УДК 811.161.1 (038)

DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-200-205

ШАХБАЗЯН Марина Анатольевна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
cappadocia@list.ru

Marina A. SHAHBAZYAN
Kuban State University
Krasnodar, Russia
cappadocia@list.ru

ЛУЧИНСКИЙ Юрий Викторович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
lyv22@mail.ru

Yurii V. LUCHINSKY
Kuban State University
Krasnodar, Russia
lyv22@mail.ru

ФАКТОРОВИЧ Александр Львович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
af03@mail.ru

Alexander L. FAKTOROVICH
Kuban State University
Krasnodar, Russia
af03@mail.ru

МЕДИЙНЫЕ РИСКИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА

THE MEDIA RISKS IN THE TRANSFORMATION OF COMMUNICATIVE SPHERE

В статье рассматриваются медийные риски, возникающие при трансформации коммуникативного пространства. На основе рабочего определения медийного риска выделяются его зоны, рискогенные подсистемы, характерные для различных медийных условий и в ряде случаев требующие экспертирования. Обосновывается комплексный характер объектов лингвистических экспертиз текстов медиа. Дискурсивная поддержка и когнитивная координация определяются как взаимосвязанные тенденции. Слова, идеи, тексты объединяются как цельный объект рискогенного характера. Этот подход обусловлен сочетанием трех установок: растущей значимостью комплексных объяснительных установок; полиэпистемическими, междисциплинарными. Это позволяет показать, что коммуникативная категоричность и семантическая недостоверность спорных текстов коррелируют, формируя особую «рискогенную модель». Коммуникативная категоричность определяется как средство компенсировать конкретную семантическую недостоверность. И семантическая недостоверность характеризуется как предпосылка избыточной коммуникативной резкости.

The article deals with media risks arising during the communicative space transformation. On the basis of a working definition of media risk, its zones, risk subsystems, characteristic of different media conditions and in some cases requiring expert evaluation are singled out. The complex character of objects of linguistic examinations of media texts is substantiated. Discursive support and cognitive coordination are defined as interrelated trends. Words, ideas, texts are united as a single object of a risk character. This approach is conditioned by a combination of three attitudes: growing importance of complex explanatory settings; polyepistemic, interdisciplinary. This allows us to show that the communicative categoricity and semantic unreliability of the disputed texts correlate, forming a special "risk-based model". Communicative categoricity is defined as a means to compensate for a specific semantic unreliability. And semantic unreliability is characterized as a prerequisite for excessive communicative sharpness.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивная поддержка, жанр, когнитивные координаты, коммуникативная категоричность, коммуникативное пространство, лингвистическая экспертиза, медийные риски, семантическая недостоверность, объяснительная установка, системные отношения, спорный текст, трансформация коммуникативного пространства.

Keywords: discourse, discourse support, genre, cognitive coordinates, communicative categoricity, communicative space, linguistic expertise, media risks, semantic unreliability, explanatory attitude, system relations, controversial text, communicative space transformation

1. Преобразования в коммуникативных сферах, характерные для современного периода, крайне многогранны; они высвечивают и новую систему категориальных тенденций, и ее связь с обновлением практической деятельности. Все глубже открываются, например, грани и последствия глобализации: «Культурные связи, которые раньше формировались в рамках юрисдикции одного государства, теперь освобождаются от такой зависимости. Глобализация, кроме того, лишает власти возможности препятствовать проникновению в страну и распространению нежелательной информации» [10, с. 258]. Такое распространение, закономерное в условиях отмеченных преобразований, сопряжено с возможным риском для самих медиа, для аудитории, для социума.

Принципиальна установка именно на новые взаимные связи, которые показывают многомерную сущую динамику как в теории, так и в эмпирии.

В этих познавательных обстоятельствах для системы теоретизации становится особо значим феномен риска, осмысляемый в теории познания, в гуманитарных науках как потенциальная опасность в понятийном ряду «угроза - деструкция - дестабилизация» ...[3, с. 21 и след.]. Принятыми в этой сфере являются представления о зонах риска, о рискогенности, которые в

предлагаемой статье дополняются рабочим понятием «носитель риска». Показательно, что «концептуальные основы мониторинга рисков» у специалистов иллюстрирует яркий медийный материал [6, с. 281].

2. Основная задача статьи - выявить сущностную сторону медийного риска в связи с преобразованием в сфере общения; показательными проявлениями служат материалы СМИ, вызывающие целесообразность экспертизы.

Проиллюстрируем эту познавательную ситуацию примером /а/, который появился в Интернете в сентябре 2017 г. и вплоть до декабря распространялся в СМИ. (Далее, в разделе 3.2 предлагаемой статьи приводим соотносительный пример /б/ и по соображениям емкости ограничиваемся их анализом). См.:

/а/ «Ассалямү аляйкум всем мусульманам и тем, кто себя считает таковыми, срочно этот человек на фото ниже оскорбляет аллаха, его посланника и насмехается над религией аллаха, оскорбляет мусульман и думает что ему это сойдет с рук, он - армянин, предположительно из Краснодара... Найдите его сами и зарежьте» (https://vk.com/wall243695280_1303).

Именно современное преобразованное коммуникативное пространство, в котором подобный контент, разжигающий вражду, уже бывал сопряжен со сверхтекстовыми действиями, включая убийства журналистов, оказывается «благоприятной средой» для новых рисков. Такой контент определяем как носитель риска, а ситуацию - как однозначно рискогенную. Рискогенность обусловлена нарушением целого ряда этических требований. Очевидно, момент осознанности риска связан с расчетом привлечь дополнительное внимание аудитории. Верификация этого предположения проводится далее в понятийном и эмпирическом планах.

3.1. Обратимся к первому аспекту характеристики медийных рисков в условиях преобразования коммуникативных сфер - к понятийному.

При всей новизне проблемы, можно отметить отдельные характерные линии ее теоретизации. Они глубинно связаны между собой. Таковы установка, во-первых, на широту представления, которая, во-вторых, преломляется в практике, а в-третьих, дополняется разнообразными линиями освещения.

Первая установка, расширение подходов, - сущая для пространства общения: «Конец XX - начало XXI века - это время парадигмальных сдвигов, когда меняются формы коммуникации и коммуникативные практики. Сегодня общепринято полагать, что это обусловлено технологическими изменениями, однако один из отцов-основателей подобного подхода М. МакЛюэн говорил о том, что религия и культура также имеют огромное значение в развитии общества. Кроме того, "инстанцией, многомерно конституирующей социум" становятся медиа. Однако лишь синхронное изучение медиaprостранства не позволяет точно отделить случайное от закономерного, а потому важен и исторический подход, который исповедовал старший коллега М. МакЛюэна Х. Иннис» [12, с. 5]. Соответственно, в науке о журналистике отмечается значительное понятийное и эмпирическое расширение объектной сферы. При этом объект определяется в системной динамике, а не только в устойчивости. Объектом оказывается именно расширение как процесс [см. 9, с. 154]. Эта понятийная доминанта находит воплощение в практике выявления рисков, когда все больше внимания привлекают именно комплексные спорные объекты, интегрируются «слова, идеи, тексты как объекты экспертного анализа» [см. 7, с. 216]. В свою очередь, такой рост эмпирического обеспечения закономерно приводит медиаведов, практиков к уточнению зон риска. Их область, при всей цельности, оказывается соответственно широкой: от возможной геополитической дестабилизации, именно в наше время показательной для медиа определенной направленности и не случайно отмеченной белорусским специалистом в 2017 г., - до освещения юбилеев в СМИ, которому тоже присущи риски, «опасности» [3; 11]. Три выявленных позволяют использовать комплекс шести взаимодополняющих рабочих представлений (обладающих и признаками понятия). Это носитель риска, зона медийного риска, рискогенный материал, рискогенная ситуация, рискогенная подсистема, рискогенная модель. Уместно также условное наименование «медиа рискология» - область изучения медийных рисков.

3.2. Отметив первый аспект характеристики медийных рисков в условиях преобразования коммуникативных сфер - понятийный, перейдем ко второму, то есть к своеобразию медийного материала, раскрывающего риски. Подчеркнем, что медиа при этом отражают интенсификацию «взаимодействия, социальной интеграции и актуализации противоречий в современном обществе» [5, с.148].

3.2.1. Обратимся к ранее предваренному примеру /б/ - репрезентативному рискогенному тексту, который был представлен в различных версиях: от видеофайла до материала печатных СМИ «КУБАНЬ - ЭТО УКРАИНА!!!». (В мае-июне 2015 г. размещен в группе «Кубань! ОТКРОЙ ГЛАЗА», по адресу: vk.com/otkroy_glaza_kuban, социальной сети «В Контакте»; он стал предметом разбирательства в суде, принявшем решение, которое в октябре 2015 г. вступило в за-

конную силу; аналогичны иные многочисленные материалы, например уголовное дело № 15901085 по ст.280.1 ч.1 УК РФ, по нему 21.12.2015 Октябрьский районный суд г. Краснодара вынес обвинительный приговор; уголовное дело № 15901118 по ст.205.2 ч.1 УК РФ, аналогичный приговор 13.05.2016 вынесен Северо-Кавказским окружным военным судом).

3.2.2. Наиболее очевидно модельный характер рискогенности раскрывается в элементах двух смысловых полей медиатекста, представляющих этнополитическую и военную сферы. (В характеристике элементов опираемся на лексикографические источники, причем привлекаем и тематический словарь, поскольку в данном аспекте тематические и семантические систематики совместимы. Емко представляет эту линию системности актуальный *Источник*: Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В.Морковкина. М.: Рус.яз., 2010. 560 с., см. соответственно с.478 и 494, подразделы тематической области «Общество»: **«Вооруженные силы»; «Нации и национальные отношения»**. Выделено авторами словаря).

Первую, этнополитическую сферу иллюстрируют такие типичные для экспертируемого материала высказывания: «Дорогие кубанцы Украина поможет вам вернуться домой!».

Соответствующие номинации представлены в 62 единицах из 81 высказывания, составляющего материал; и высокую общую долю единиц данной группы, 76,5% , подкрепляет линейная распределенность по трем сильным текстовым позициям: исходной, центральной, финальной.

Сходные данные речевой системности, 80% с аналогичной линейной распределенностью, характеризуют вторую смысловую область, характерную для материала, - военную. См. единицы в нижеприведенных фрагментах (выделены нами. - *М.Ш., Ю.Л., А.Ф.*):

«Кубанцы,...чистите **пулемет (...)**

В сети появились якобы карты-схемы **генштаба ВСУ** по возврату Крыма и **захвату** Кубани. (...)

И вот уже партнеры Украины из НАТО проводят около Кубани свои **учения**».

3.2.3. Системную рискогенность создает категоричность в медиатексте и отражающие ее призывы. Категоричность связывается с их коммуникативной сущностью, отмечаемой и в специальных источниках по экспертизе: «Призыв - это особый тип речевого акта, коммуникативное назначение которого в общем случае описывается известной семантической формулой: "Я хочу, чтобы ты сделал Р"» [1, с. 412. Р - предикат, отражение того или иного действия, состояния и т.п.]. Для другого феномена, недостоверности как стороны комплексных объектов экспертирования, в качестве теоретической предпосылкой служит когнитивное несоответствие между информацией и представляемой в дискурсе реальностью (недостоверность в общем смысле). Наиболее актуальна для решаемой задачи медиаведческая конкретизация данного общего понятия, а именно «недостоверное субъективное знание» [8, с. 139]. В недостоверности могут обобщаться значимая неполнота представлений и намеренная искаженность. Соответственно, глубинные мерки такой недостоверности определяются в широких границах: от элементарного незнания до сложной манипулятивно-искажающей установки.

Обратимся к рассмотрению категоричности и недостоверности как сторон комплексного объекта экспертизы. Проиллюстрируем два данных феномена поочередно, а затем отметим специфику их единства.

3.2.3.1. Рискогенную категоричность в экспертируемом материале наиболее емко представляет ряд, объединяющий четыре основных компонента (см. ниже единицы, выделенные в примере). Это /а/ форма предложенческой предикативной парадигмы с побудительным значением; /б/ усиление этой коммуникативно-грамматической семантики эмоциональной окраской высказывания - троекратным восклицательным знаком в вышеприведенном заглавии; /в/ лексическое средство передачи категоричности-неизбежности, наречие «обязательно»; /г/ средства, системно связанные с вышеуказанными /а-в/ и намечающие мотивацию такой категоричности. См.:

/а/ «Кубанцы...открой глаза - ...чистите пулемет...!»;

/б/ «Кубань обязательно вернется в украинскую семью»;

/в/ «КУБАНЬ - ЭТО УКРАИНА!!!»;

/г/ «Осталось лишь проявить необходимую волю и решимость по возвращению Кубани на родину (...)

Александр Турчинов заявил, что на правах широкой автономии Украина готова принять в свою семью только Кубань - обширный регион России с глубокими украинскими корнями».

Последнее высказывание - одно из средств концентрированного выражения указанного намерения. Оно также подтверждает модельную суть рискогенности.

Минимальное представление семантической структуры релятивного типа и ее наполнение - «Украина примет в свой состав регион России».

В плане риска особенно важен совмещенный с категоричностью саморазоблачительный

оттенек. Риск становится очевиден: глубинным смыслом раскрывается противозаконность высказанных намерений: действия, которые «должны совершить» кубанцы по категоричному призыву Турчинова и его единомышленников, - нарушение норм, представленных в «Главе 1. Основы конституционного строя» действующей Конституции РФ. (Возможный выход той или иной территории из состава РФ оговорен конституционными - общепризнанными - нормами волеизъявления. Между тем в тексте призыв к этому выходу Кубани из РФ прямо противоречит конституционным нормативным условиям - он нацелен на насильственные действия). В заключительных фрагментах дискурса с повышенной весомостью эту категоричность усиливает своеобразное «пугающее коммуникативное радушие»:

«Дорогие кубанцы Украина поможет вам вернуться домой!»

3.2.3.2. Уже в приведенном высказывании представлена значимая связь между категоричностью и другим рискогенным феноменом - недоверенностью.

Заключительная единица, наречие «домой», представляет в качестве дома кубанцев, граждан России, совсем иное государство, Украину.

Данная установка предварена подсистемой соответствующих лексико-семантических средств. В ней взаимодействуют два рискогенных смысловых направления: это смещение согипонимии в гипо-гиперонимию и лексико-семантическая конверсия. Отметим каждое из двух средств. Объективно между двумя топонимами «Кубань» и «Украина», именованиями соседних территорий, определяются согипонимические отношения: обе единицы именуют земли, населенные восточными славянами (может быть выделена архисема «славянство»), преимущественно православными и т.п.

Однако в тексте - носителе риска - наводятся иные, гипо-гиперонимические отношения и, соответственно, представление кубанцев как частного по отношению к украинцам.

Это выражено специализированно на двух уровнях: заглавием «КУБАНЬ - ЭТО УКРАИНА!» и его раскрытием, разносторонней конкретизацией в озаглавленном тексте.

См.: «Культурная и ментальная Кубань всегда была и есть Украиной»; «...кубанская область, ставропольщина и черноморская губерния почти сто лет назад были с Украиной единым целым». Указанное смещение поддерживается следующим смысловым рядом: украинским землям объединиться - украинские патриоты - украинство.

Между тем заявляемые связи обладают всеми признаками недоверенности, измышления. Это подтверждается единством характеристик. Наводимая в дискурсе «соотнесенность» не представлена ни в одном актуальном источнике, включая самые разнообразные: российские украинофильские, классические и недавние украинские, в том числе учебники истории. Нет соответствующих утверждений даже в источнике, нацеливающем на исключительную роль Украины в развитии казачества вообще [13]. И в неоднозначном исследовании В.А.Брехуненко [2] отсутствуют подобные высказывания. Судя по документам, а также другим достоверным свидетельствам, в упомянутый период 1918 г. «Законодательная Рада в Екатеринодаре провозгласила Кубанскую область республикой» - 8 января 1918 г., но нигде не определялось вхождение ее в какую бы то ни было украинскую территорию.

Показательны в этой зоне риска 2015 г. утверждения о действиях «по возврату Кубани на родину. ...В Украине никто не скрывает таких планов. В сети появились якобы карты-схемы генштаба ВСУ по возврату Крыма и захвату Кубани».

Возвратить можно то, что было твоим, возврат определяется как восстановление утраченных отношений собственности, принадлежности (в очень широком смысле). Это раскрывается толкованиями приведенного отвлеченного существительного с процессным значением и мотивирующих его глаголов, см.:

«ВОЗВРАТ. К Возвратить-возвращать и Возвратиться-возвращаться»; **«ВОЗВРАТИТЬСЯ=Вернуться»;** **«ВЕРНУТЬСЯ.** 1. Прийти, приехать обратно...». Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: РАН; Норинт, 2009. 1550 с. С. 142; 119. То же - в других актуальных словарях).

Между тем захват, как насильственное действие, резко отличен от декларируемого возврата.

Отнесенность к одной ситуации двух крайне различных смыслов уточняет их системную связь и раскрывает недоверенность как зону риска. Причем она явлена именно в коммуникативном пространстве.

3.3. Как показывает материал, рискогенность определяется сторонами двух феноменов, коммуникативной категоричности и семантической недоверенности.

С одной стороны, если необходимо когнитивное коммуникативное воздействие, а достоверность информации не определяется, - ее отсутствие влечет за собой у ангажированного, агрес-

сивного адресанта применение средств категоричности.

С другой стороны, доминанта категоричности сама по себе может приводить к игнорированию необходимой меры достоверности в смыслах формируемого дискурса.

Такая парадоксализация проблемы - предпосылка уменьшить деструктивную опасность медийного риска.

Итак, в материале на основе выявления медийного риска выделяются его зоны, рискогенные подсистемы, характерные для различных медийных условий и в ряде случаев требующие экспертирования. Анализ позволяет конкретизировать связь с системными конфликтами коммуникативного пространства, отмеченную в ранее цитированной работе [6].

4. Подытоживая характеристику, отметим подтвержденную установку на широту представления, характерную для медийных рисков в современном пространстве общения. Именно потому справедливо заострять внимание на цельности рискогенных комплексов, а возможно - и на усложненном характере соответствующих опасностей. Раскрываются же данные свойства не только и не столько в элементарных пределах, а в дискурсивном медийном пространстве, которое можно считать в ряде случаев комплексным носителем рисков. Соответственно, слова, идеи, тексты объединяются как цельный объект рискогенного характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Наука; Флинта, 2009. 592 с.
2. Брехуненко В.А. Козаки на степовому кордоні Європи. Київ, 2011. 340 с.
3. Гончаренко Л.П. Риск-менеджмент. М.: КНОРУС, 2012. 244 с.
4. Гайшун А.Н. СМИ как фактор геополитической дестабилизации: из опыта новейшей истории // Медийные стратегии современного мира. Краснодар: КубГУ, 2017. С.52-54.
5. Кострова Н.А. К вопросу об интенсификации взаимодействия, социальной интеграции и актуализации противоречий в современном обществе // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т.9.№ 4. С.148-153. DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-148-153
6. Ларионова И.В. Концептуальные основы мониторинга рисков в условиях системных конфликтов // Проблемы анализа рисков. 2007. Т.4.№ 3. С.281-290.
7. Леонтьев Д.А. Слова, идеи, тексты как объекты экспертного анализа // Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. С.216-227.
8. Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации. Екатеринбург: Ур-ФУ, 2017. 236 с.
9. Локосова М.В. Хитросплетение категорий: анализ основных понятий философии процесса А.Н.Т.Уайтхеда // Вопросы философии. 2017. № 1. С.154-167.
10. Лучинский Ю.В. История зарубежной журналистики: от истоков до наших дней. Краснодар; Сухум: КубГУ; АГУ, 2010. 270 с.
11. Прохорова И.Е. Юбилей писателя и русская журналистика: задачи, удаи, опасности // Медийные стратегии современного мира. Краснодар: КубГУ, 2017. С.125-128.
12. Шахбазян М.А. Трансформация коммуникативного пространства религиозно-философской публицистики русского модернизма. Краснодар: КубГУ, 2012.
13. Історія українського козацтва. Т.1 / Авт.: О.К.Струкевич, В.М.Матях, А.М.Авраменко та ін. Київ, 2011. 294 с.

REFERENCES

1. Baranov A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoreticheskiye osnovaniya i praktika [Linguistic expertise of text: the theoretical foundations and practice]. M.: Nauka; Flinta. 2009. 592 p. (in Russ.)
2. Brehunenko V.A. The Cossaks on borders of Europe. Kiev, 2011. 340 p. (in Ukrainian)
3. Goncharenko L.P. Risk-menejment [Risk-Management]. M.: Knorus, 2012. 244 p. (in Russ.)
4. Gaishun A.N. SMI kak factor geopoliticheskoi destabilizacii: iz pyta noveishei istorii [Media as a factor of geopolitical destruction: new historical experience]. Mediynye strategii sovremennogo mira = Media strategies of the modern world. Krasnodar: KubGU, 2017. Pp.52-54. (in Russ.)
5. Kostrova N.A. K voprosu ob intensifikacii vzaimodeistviya, social'noi integracii i aktualizacii protivorechii v sovremennom obschestve [To a question of intensification of interaction, social integration, and complication of contradictions in contemporary society]. Historical and Social-Educational Idea. 2017;9(4/1):148-153. (In Russ.) DOI:10.17748/2075-9908-2017-9-4/1-148-153

6. Larionova I.V. Ikonseptual'nye osnovy monitoringa riskov v usloviyakh sistemnykh konfliktov [The conceptual basis of risk-monitoring in the conditions of system conflicts [Problemy analiza riskov = Problems of risk analysis]. 2007. V. 4. No. 3. P.281-290. (in Russ.)
7. Leontiev D.A. Slova, idei, teksty kak obyekty ekspertnogo analiza [Words, ideas, texts as objects of expert analysis]. Expertiza v sovremennom mire: ot znaniya k deyatel'nosti [Expertization in modern world: from knowledge to activity]. M.: Smysl, 2006. P.216-227 (in Russ.)
8. Lozovskiy B.N. Zhurnalistika i sredstva massovoi informacii [The journalism and mass-media]. Ekaterinburg: UrFU, 2017. 236 p. (in Russ.)
9. Lokosova M.V. Hitrospletenie kategorii: analiz osnovnykh ponyatiy filosofii processa A.N.T.Uaitheada [The combination of categories: analysis of basic concepts of the philosophy of process of A.N.T.Whitehead]. Voprosy filosofii = The problems of philosophy. 2017. № 4. Pp. 154-167 (in Russ.)
10. Luchinskiy Yu.V. Istoriya zarubezhnoi zhurnalistiki: ot istokov do nashih dnei [The history of foreign journalism: from sources for our days]. Krasnodar; Sukhum: KubGU; AGU, 2010. 270 p. (in Russ.)
11. Prohorova I.E. Yubiley pisatel'a i russkaya zhurnalistika: zadachi, udachi, opasnosti [The Yubilee of writer: tasks, successes, risks]. Mediyne strategii sovremennogo mira = Media strategies of the modern world. Krasnodar: KubGU, 2017. P.125-128. (in Russ.)
12. Shahbazyan M.A. Transformatsiya kommunikativnogo prostranstva religiozno-filosofskoy publicistiki russkogo modernizma [Transformation of communicative sphere of religious-philosophical publicism of Russian modernism]. Krasnodar: KubGU, 2012. 200 p. (in Russ.)
13. The History of the Ukrainian Cossaks. V.1. Auth.: O.K.Strukevich and oth. Kiev, 2011. 294 p. (in Ukrainian)

Информация об авторах:

Шахбазян Марина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
cappadocia@list.ru

Лучинский Юрий Викторович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
lyv22@mail.ru

Факторович Александр Львович, доктор филологических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия
af03@mail.ru

Получена: 07.12.2017

Для цитирования: Шахбазян М.А., Лучинский Ю.В., Факторович А.Л. Медийные риски в условиях трансформации коммуникативного пространства. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 6. Часть 2. с.200-205.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-200-205.

Information about the authors:

Marina A. Shahbazyan, doctor of philological Sciences, associate Professor of history and legal regulation of mass communications, Kuban State University, Krasnodar, Russia
cappadocia@list.ru

Yurii V. Luchinsky, doctor of philological Sciences, Professor, head. the Department of history and legal regulation of mass communications, Kuban State University Krasnodar, Russia
lyv22@mail.ru

Alexander L. Faktorovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University Krasnodar, Russia
af03@mail.ru

Received: 07.12.2017

For citation: Shahbazyan M.A., Luchinsky Yu.V., Faktorovich A.L., The media risks in the transformation of communicative sphere. Historical and Social-Educational Idea. 2017. Vol . 9. no.6 Part.2. Pp. 200-205.
doi: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-200-205. (in Russian)